

**УИЛЪЯМ
БЕРРОУЗ**

УИЛЪЯМ
БЕРРОУЗ

**ПРИСТАНЬ
СВЯТЫХ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б48

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

William S. Burroughs
PORT OF SAINTS

Перевод с английского С. Минкина

*Серийное оформление и
компьютерный дизайн В. Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Берроуз, Уильям.

Б48 Пристань святых : [роман] / Уильям Берроуз; [пер. с англ. С. Минкина]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-107216-2

Последняя книга, написанная великим Берроузом во время его пребывания в Лондоне.

Одна из жемчужин его творческого наследия — и, возможно, самая интеллектуальная из его поздних работ.

Странная, причудливая история человека не просто расширяющего границы сознания, но и исследующего психологические и подсознательные глубины своего внутреннего «я».

Психоделическое путешествие героя постепенно превращается в подлинную одиссею по темным закоулкам времени и пространства, искусства, философии и сексуальности.

«Пристань святых» называли и «постмодернистским опытом автобиографии», и «путеводителем по Дантову аду человеческой психики», — но никакие определения не могут в полной мере передать всю глубину этой книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© William S. Burroughs, 1973
© Перевод. С. Минкин, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Когда мистер Вильсон, американский консул, прибыл в свой офис, он обнаружил у секретарского стола молодого человека. Хорошо бы, подумал мистер Вильсон, чтобы со всеми проблемами этого молодого человека смог справиться вице-консул, мистер Картер.

Молодой человек у стола пожелал ему доброго утра и протянул клочок бумаги. Консул слегка нахмурился, бросил взгляд на молодого человека, ответившего ему таким же пристальным взглядом, и проследовал вверх по лестнице в свой кабинет, так и не прочитав записку. Был понедельник, и рабочий стол ломился от корреспонденции.

Консул развернул записку. Зазвонил телефон. Запрос из Британского консульства... «Да, э-э... я не совсем понимаю что... гм... да... нет, не по туристической визе...» Он глянул на записку... Имя — Дж. Келли... «Нет, по визе длительного пребывания». Цель визита: «Установ-

ление личности»... Что, черт возьми, это может значить? О боже, только не утрата паспорта... «Да, конечно, я всегда рад вашим звонкам». Он повесил трубку и нажал на кнопку. «Пусть мистер Келли войдет».

Харбор-Бич, среда, 2—4 марта 1970 г.

Было утро в конце мая, кажется, 26-е, холодный ясный день, ветер дул с озера. Я отправился к железнодорожному мосту порыбачить в глубокой заводи под ним. Было слишком холодно, чтобы сидеть неподвижно на одном месте, мне быстро надоело рыбачить, я намотал леску на катушку, завернул в клеенку и положил в карман штанов. И тут почувствовал, что за спиной у меня кто-то есть, и обернулся. И правда, за спиной стоял мальчишка примерно моего возраста. Я узнал в нем одного из тех, что приезжают сюда летом, но обычно они появлялись не раньше конца июня. У мальчишки был мечтательный отсутствующий взгляд, как будто он сошел с картины... «Железнодорожный мост в субботу»...

Из мужского яичка вылупилось черное дитя.
По имени Джон... большое озеро порывы ветра

мы пришли в долину... темный овраг... далекое бледно-голубое лето... Знаете, кто я такой? (Нрзрб.) собирая пыль с цветов на растениях что стоят на подоконнике и плодов повсюду вздымается рубашка чернильного цвета... было зло печальное как вянущие цветы... мертвая рыба плывущий мальчик гнездо аиста окно сельского домика то что обязательно случится белый писсуар портовый колокол...

В порту на закате, ясном и безоблачном, стоял жуткий холод. Когда Джон взошел на «Марию Селесту», свежий ветер, дувший с берега, немного утих. Джон записался в команду третьим помощником.

— Да, мистер... — Консул взглянул на листок бумаги, хотя он, конечно, уже запомнил имя. — Мистер... э-э... Келли... чем я могу быть вам полезен?

У молодого человека, сидевшего перед ним, были загорелое лицо и очень светлые серые глаза. Моряк с торгового судна, решил консул, и с его лица исчезли малейшие следы душевной теплоты. Потерял деньги и паспорт в борделе.

— Насколько я понимаю, это вы хотели меня видеть.

— Я...

Консул был растерян. Он вспомнил что-то о паспорте, оставленном в залог уплаты по счету... Шла ли там речь о паспорте на имя Келли? Он поискал клочок бумаги в корзине для писем. А, вот он... Паспорт гражданина США № 32, оставленный в залог... Отель «Мадрид»... Теперь консул был уже по-настоящему зол.

— Позвольте взглянуть на ваш паспорт?

К его изумлению, молодой человек в то же мгновение протянул ему паспорт, который явно давно держал в руках. Консул стал листать его. Перед ним был паспорт моряка № 18...

— Гм, эти даты здесь... дата рождения — 1944. Сан-Франциско...

Консул поднял глаза на своего гостя.

— Привет... Я наблюдал за тем, как ты ловишь рыбу. Я знал, что ты ничего не поймашь. Ведь сегодня очень холодно.

— Рыбу ловят даже зимой из-под льда.

— О, зимой совсем другое дело... но не в такой же холодный весенний день, да еще с ветром.

— Наверное, ты прав. Мне просто было нечего делать.

— А тебе и не нужно ничего делать. Как только ты это поймешь, у тебя сразу же появится мас-

са дел. Иногда даже больше, чем ты сможешь справиться...

Мы разделись, и у меня во рту появился металлический привкус. Пальцы ног покалывало. Рядом стоял тот мальчишка... он поднимает палец тремя резкими движениями и вместе с ним встает его член, в грязно-желтом свете поблескивают волосы на лобке, тени бормочут похотливые слова...

— Конечно, наверху, если ты сможешь подняться туда, воздух разрежен... ты понимаешь, бледный конь, бледный всадник...

— Голубые индейцы из Северной Каролины приветствуют тебя с умирающего Запада...

Трое молодых людей, обильная голубая плоть уже с намеком на распад... пороховой дым на лице пороховой дым и каштановые волосы детство Берроуза хватающегося за умирающего брата сожженного взорвавшейся звездой стрельба от бедра светящаяся голова в рамке из влажных листьев лиловые сумерки под налетающими стервятниками его кашель у меня за спиной худое тело щупающее выступающие кости... Он был влюблен в булыжные мостовые и в мирный призрак ребенка на них и в тот парк, по которому можно было бродить... О, Одри удовольствовался бы там случайным мексиканским двойником, его книги в

полдень для прощания. Показал мне зашифрованный дневник с записью о том запоздалом утре. Давным-давно он смотрел на что-то.

Он смотрел на Джона, на его губах — засохшая кровь... улыбался, слизывая кровь с последними лучами заходящего солнца его лицо сияло, как комета и постепенно тускнело по мере того, как солнце опускалось за облако над Галифаксом... (во время галифакского взрыва в 1910 г.).

— Произошла ошибка. Мне нужен был совсем другой Келли.

Молодой человек кивнул.

— Я знаю. Мой брат.

— Значит, вы все знали? Почему же вы пришли вместо своего брата?

— Мой брат Джо Келли мертв.

— Мертв? Когда это случилось? Почему не информировано консульство?

— Он погиб пять лет назад.

Консул, гордившийся своей невозмутимостью, внимательно рассматривал листок бумаги, вспомнив, что получил его накануне ухода из офиса в пятницу в полдень.

— Ну что ж, мистер Келли, здесь явно произошла какая-то ошибка. В конце концов, ваше имя не столь уж и редкое. А кстати, почему вы

все-таки думаете, что в извещении имеется в виду ваш брат?

— А в извещении есть дата?

— Пойдем в дом, выпьем чаю с пирогом.

Мы шли по направлению к железной дороге, ветер дул нам в лицо.

— Пусть ветер продует тебя насквозь.

Я почувствовал странную легкость в ногах, как будто мое тело готово было подняться в воздух. В то же самое время я ощутил и какое-то давление в паху, нарастающее напряжение. Он остановил меня, взяв за руку, и повернул лицом к себе, глядя вниз на то место, где мои штаны вдруг оттопырились.

— О, Кики...

Запах молодых ночей запах сухих парков открывает свой анус восход солнца утро в Сент-Луисе одной ногой в шерстяном носке воспоминания плоти на далеком расстоянии пришел в туалет... валуны цветы протянулись до самого неба на рыбе уходил в небеса годы-годы назад дайте мне рассказать о мхе и деревьях серый мертвый свет два лица вода и лягушки непонятная вещь под водой та рука затянувшийся шрам звездная пыль в воздухе я убежал с прерванного фильма после этого начался холод словно мертвые листья сквозь

сон плывут то как вещи подходят друг другу штаны откидывается назад и жует арахис стоит надо мной обнаженный электрическая тишина и запах члена я кончаю в серебряных вспышках так давно далеко...

Ночная тень падает на лицо мальчика, на оснастку судна и на кружащих чаек. Джон чувствует пронизывающий холод пустого пространства. Лицо мальчика покрывает белая корка инея, в взлохмаченных волосах сверкают льдинки, голос звучит призрачно и жутко в собирающихся сумерках...

— Дата? Оно поступило в офис в пятницу в полдень.

— Да, но есть ли на нем дата?

Консул взглянул на листок бумаги. Дата размазана, разобрать ее невозможно. Консул вынужден признать, что извещение какое-то странное. Будто копия отпечатанного на машинке документа, найденная где-нибудь на чердаке среди хлама. Сказано, что в отеле «Мадрид» находится паспорт, выданный на имя некоего Джо Келли, родившегося 6 февраля 1944 г. в Сан-Франциско, штат Калифорния. Отелем названный паспорт удерживается в качестве залога за неуплату счета (сумма не уточняется). Подпись менедже-

ра Дж. П. Борджурли. Консул поморщился и снял телефонную трубку.

Я шел за ним по шпалам, ветер бил мне в лицо.

— Вон там. — Он показал куда-то в поле.

Мы съехали по крутому склону, усыпанному гравием, и пошли по полю по направлению к деревянному забору с калиткой. Это был обычный летний бревенчатый домик, крытый гонтом. Через заднюю дверь мы вошли на кухню, в которой стояли деревянный стол и керосинка. Он зажег ее и в голубом кофейнике сварил кофе, который затем разлил в две белые чашки. Поставил на стол банку с печеньем. Тишину на кухне нарушал только хруст печенья у нас во рту.

— Я покажу тебе свою мастерскую.

То, что должно случиться... то как вещи подходят друг другу открывает задницу восход солнца Сент-Луис утро улица стоит надо мной обнаженный одна нога в шерстяном носке дрожит мой член... продуваемые ветром улицы приборный щиток пистолет затемнение забвение его зовут Джон печальное вялое утро улица в Сент-Луисе... пришельцы человеческая оболочка тонка она постелила мне постель au revoir мой член встал едва заметные порывы ветра мальчик зашел в туалет валуны в темном овраге бледно-голубое лет-

нее небо на рыбе... Сколько я заплатил им? Вы знаете, кто я такой?

Пронизывающим холодом обдало Джона от узнавания.

— Одри, ледяной мальчик.

Изморось у него на лице льдинки сверкают в волосах девственная похоть обнаженный в последних алых лучах заходящего солнца кусок хлеба у ног мальчика. Мальчик исчезает среди оснастки судна и кружащих чаек.

— У меня здесь извещение... — Он прочел его текст в трубку. — Когда оно поступило? В пятницу? А точнее? Во сколько? И кто его принес? Гм...

Консул повесил трубку.

— Очень странно. Создается впечатление, что секретарь вышел на минутку, а когда вернулся, обнаружил у себя на столе извещение... Мистер Келли, вы не могли бы описать мне обстоятельства смерти вашего брата?

— Пароход «Панама» курсом из Касабланки в Копенгаген... пошел ко дну со всем экипажем.

Мы спустились по деревянным ступенькам в подвал, в котором было довольно светло, так как домик находился на склоне холма и в одной сте-

не подвала было несколько больших окон. Под окном стояла деревянная скамья, уставленная моделями кораблей. Кроме того, там было некое подобие пистолета с резиновыми лентами и кукла в два фута высотой, сделанная из медной проволоки, скрученной в сложные узлы. Он коснулся куклы, провел по ней руками и повернулся ко мне.

— Протяни руку.

Неразборчивое число лет назад. Я расскажу вам о пыли на окнах от бесчисленных лет вздымается рубашка чернильного цвета затерянные улицы туманное расплывающееся дитя печальное словно вянущие цветы мертвая рука затянувшийся шрам там у гнезда аиста окно сельского домика...

«Немного чернил вдохнуть в труп не так ли?»

Серебряные паутинки от разорванной пленки забытые места медленно падают словно мертвые листья сквозь зиму писсуар колокол в гавани песок на ветру метет по улицам запах сухих парков расстегивает штаны откидывается назад и жует арахис там в темной комнате голубая электрическая тишина и запах озона втирает зеркальную смазку в серебристую прямую киш-